

Андрей Кондратьев

Аспирант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ

НОРДИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И НАУЧНЫЕ МИФЫ

В сокращённом варианте эта работа публиковалась в следующем издании: Кондратьев А.В. Нордическая религиозность и научные мифы. // Торп, Бенджамин. Нордическая мифология. – М.: Вече, 2008, с. 3-20.

В современных научных работах, посвящённых исследованию палеорелигиозной, рунической и проторунической символики германо-скандинавского Севера, а также стоявших за этой символикой ритуальных практик и мифологем, отчётливо просматриваются две методологически важные тенденции. С одной стороны, происходит постепенное расставание с идущим из XIX века позитивистским подходом, стремившимся растворить культовую и магическую сторону древнегерманской религии в культурно-социальных взаимоотношениях, чтобы затем вытащить из полученного раствора малопонятные мифемы «гибели Богов», вполне совместимые с концепцией отмирания магии по мере поступательного общественного прогресса.

С другой стороны, наблюдается возвращение к бытовавшей в XIX и начале XX века теории изначального монотеизма, развивавшейся в работах Вильгельма Шмидта, Германа Вирта, Гвидо фон Листа¹. Работающая ныне в Южной Швеции над изучением петроглифов Бохуслена фрау Людгард Лёв (Luitgard Loew) рассказывала автору данной работы, что хотя многие из имён представителей данного направления преданы в современной Германии «осознанному забвению», выводы их работ и исходные методологические предпосылки применяются при исследовании прагерманской символики практически повсеместно. Это обусловлено как обширным объёмом собранного этими авторами эмпирического материала, так и тем самым подспудным желанием сбросить с себя оковы шаблонного материализма, которое невольно возникает по мере погружения в интригующе странный и непонятный мир древнегерманской религиозности. И хотя сама историческая картина изучения этой религиозности, со всеми перипетиями рождения из неё множества всевозможных мифологем движения фёлькиш и отстаивания этой неогерманской религиозности перед лицом академической науки, была не так давно блестяще описана берлинским

¹ Так, например, в только что переведённой книге Хильды Эллис Дэвидсон «*Pagan Scandinavia*» взгляды Фробениуса, Вирта и Шмидта составляют самую основу исследования, несмотря на то, что имена этих исследователей упоминаются не всегда. (Дэвидсон, Хильда Эллис. Древние скандинавы. Сыны северных Богов. – М.: Центрполиграф, 2008, с. 9 сл.).

профессором Инго Вивьоррой², мы полагаем, что исследование одних лишь теоретических предпосылок без учёта того религиозно-философского материала, который послужил стимулом к их возникновению, есть существенное упрощение всей сложившейся ситуации. А потому изложение религиозно-философских доктрин будет совмещаться в данной работе с постоянной оглядкой на позабытые, либо неверно интерпретированные памятники древнегерманской религиозности, ставшие, в конечном счёте, важнейшей причиной возникновения идущей от Фридриха Шеллинга, Германа Вирта, Гвидо фон Листа и Вильгельма Маннхардта теории Прарелигии (Urreligion).

Тысячелетнее сновидение

Смысл германского язычества на сегодня можно считать утраченным, и не в последнюю роль благодарить за это следует тех, кто его изучал. Если не вспоминать об архитектуре (которая у германцев была, но была в основном деревянной), то первейшими нашими источниками оказываются древнеримские этнографы вроде Тацита³, видевшие в германцах в лучшем случае образчики «благородного дикарства».

Достойные уважения за своё благородство, германцы были презираемы за свою «дикость», вернее, за то, что могло показаться диким при определённом ракурсе – при смотреии сверху вниз. Тысячу лет, или чуть меньше, германцы пребывали внизу. Вплоть до начала 20-го века их репутация варваров, созданная римскими историками и подкрепляемая незнанием культовой символики и археологии, оставалась вполне актуальной. «Нас называют варварами, – жаловался, к примеру, Вернер Зомбарт в своей книге о немецком социализме. – Хорошо, мы превращаем это бранное название в почётное: мы – варвары и гордимся тем, что являемся ими и стремимся ими остаться. Мы ещё молоды, готовы ко всему новому. Мы знаем, что сможем выполнить наше призвание только в далёком будущем»⁴.

Сегодня, когда книги по «Возрождению Языческих Традиций» становятся частью моды, терапевтически полезным было бы взглянуть на предысторию того,

² *Wiwjorra*, Ingo. Der Germanenmythos. Konstruktion einer Weltanschauung in der Altertumsforschung des 19. Jahrhunderts. Darmstadt, 2006, 408 S.

³ Тацит Корнелий, О происхождении германцев и местоположении Германии. // Тацит. Сочинения в 2-х томах. Т. I, Анналы. Малые произведения. – Л., Наука, 1969.

⁴ *Sombart*, Werner. Deutscher Sozialismus. Berlin, 1934, S. 160.

что основатель «Аненербе» проф. Герман Вирт называл «нордическим пробуждением» (*das nordische Erwachen*)⁵ – посмотреть сквозь историю религии без желания кого-либо осудить или реабилитировать.

Для начала представим себе ситуацию: нам снится очень красивое сновидение. Там много фактов, все они переплетены, имеют какую-то сложную сюжетную канву, в русле которой мы испытываем внутреннее восхищение, ни на минуту не сомневаясь в реальности происходящего. Затем мы просыпаемся, и долгое время всё собираем воедино, вытаскивая из памяти мельчайшие подробности. Разумеется, наше ощущение от того, что происходило во сне, будет уже другим. Мы перестали быть героями – мы превратились в историков. В какие-то считанные минуты реальные события жизни превратились сначала в белый лист, затем всё это стало эскизом, а эскиз перерос в картину. Стоп. Чем более мы в неё вглядываемся – тем яснее мы понимаем, что это – уже не сон, а если не «сказка, сделанная былью», то, по крайней мере, какая-то сказочная мутация того, что во сне было для нас единственной былью и единственно представимой реальностью. Получается, что момент нашего пробуждения был скорее моментом утраты, но при этом – и вот в чём хитрость – если бы мы не пробудились, нам не удалось бы создать картину, становящуюся по прошествии времени единственным доказательством нашего сновидения.

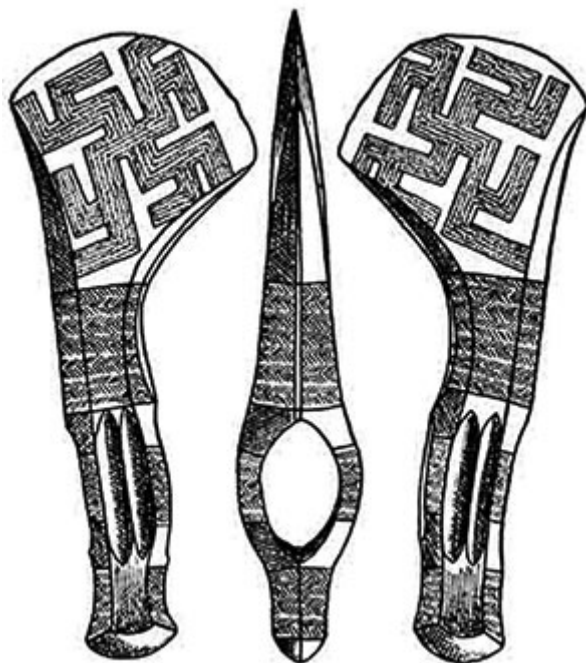
Два топора Туисто

Отслеживая в истории эпохи «нордического пробуждения» – сначала в религии Эона ИАО и в Явлении Спасителя и Сына Божия в эпоху мегалитических гробниц, затем – в «нордической Реформации» Мартина Лютера, наконец – в зародышах символично-исторического метода палеорелигиозной реконструкции⁶, Герман Вирт постоянно напоминал о подвижности мифов относительно более надёжной реальности священных символов, значение которых может оставаться неизменным на протяжении многих тысячелетий. Вот лишь один пример: Тацит рассказывает о том, что германцы высоко чтили некоего «порождённого землёй Бога Туистона» (*Germania*, сар. 2). Из того, что от этого Туистона-Тевта, по пересказанной Тацитом легенде, происходят все германцы, многие заключили, что Туистон был двуполым, что, как правило, мотивировали его же этимологией (Туи-Тиу-Диу-Дуо и т.д.). По Вирту, это абсурд – сделать из главного Бога германцев «ближневосточного андрогина» (так у

⁵ *Wirth, Herman. Was heißt deutsch? Ein urgeistesgeschichtlicher Rückblick zur Selbstbesinnung und Selbstbestimmung. Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1939. S.*

⁶ *Wirth Herman, Prof., Dr-mutskloV .neiW .enietsnretxE eid dnu noigilerrU ehcsiäporuE . Verlag Wilhelm Landig, 1980, S. 18 ff., Wirth, Herman. Was heißt deutsch? S. 21.*

Вирта⁷⁾ только на том основании, что этот Бог именуется «двойным». Обращаясь к древнейшим нордическим символам, Вирт показывает, что Туисто «двойной» оттого, что он приходит в наш мир в точке раскола – рогатый, на двух кораблях, с одной рукой, опущенной вниз и другой – воздетой вверх.

Символика двух топоров

Иногда в наскальных рисунках Севера (около 25 000 лет до Р.Х.) та же религиозная идея передаётся в форме двух топоров. «Год – это Крест, – говорит Вирт, – а Крест – это два Топора, Крюка. Когда Крест из Крюков замыкается, то Год, годовой путь⁸ Солнца закончен. Колесо Кельтского Креста стоит на месте. Это – Поворот Света и Жизни. Но когда Год, годовой путь Солнца, начинается снова, тогда начинается новый годовой путь и новая жизнь, и тогда Крест открывается, Колесо из Креста превращается в Два Топора, лезвиями смотрящие в разные стороны и делящие Год надвое, дающие ему новый годовой путь и новую Жизнь»⁹.

В реконструированной Виртом календарной теологии народов Севера мы встречаем не одного, а сразу трёх Спасителей. Учёный говорит, что в древнейшей культовой символической атлантико-нордической расы было как минимум три архетипа, три классические формы, отображавшие образ Сотера – и

⁷ Wirth, Herman. Was heißt deutsch? S. 20.

⁸ От немецкого «Jahrgang» (годовой путь) происходит, возможно, севернорусское название свастики – Ярга. – Прим. А.К.

⁹ Wirth Herman, Prof., Dr .43 .S ,enietsnretxE eid dnu noigilerrU ehcsiäporuE .

формы эти зарождались от Календаря, бывшего центром всех ритуалов. В том числе, ритуалов Двойного Топора, Лабарума-Лабриса.

Первый Спаситель являлся в Полночь. Это – Спаситель Зимний, образ Юла. Он изображается с поднятыми руками в виде руны Мадр. Это – «Гусиная Лапка», Человек Зимнего Солнцестояния. Затем, в Летнее Солнцестояние, являлся другой Спаситель – Небесный Царь с вытянутыми в разные стороны руками (+), идентичный расколотому надвое Году (образ Туата – Двойного).

Но затем являлся и Третий. «Младший вовсе был дурак» – это не про Него, хотя отчасти и про него. Дело в том, что именно Он и есть Нисходящий в Кенозисе (то есть, в Кеному, кто понимает) Спаситель Страдающий, Умиравший, Человек с опущенными руками. У германцев, (чтобы не наговорить ересей) этого Третьего Посланника звали Тюрор или Улльром. Он же – Тиу, Циу, Дьяус, Деус и т.д. Руки Его, опущенные вниз, были руками смирения – для смиренных, но также и образом знаменитого Копья Судьбы¹⁰.

В одном случае, мы имеем здесь какое-то странное дохристианское Откровение о Троичности Бога, бывшее, по Герману Вирту, источником не только христианского богословия, но также и более поздней религии вотанизма. В другом – это только случайное совпадение, но тогда возникает вопрос – почему подобных совпадений так много? Почему все они так или иначе говорят о предвосхищении христианства в древнегерманской языческой религии?

Древнегерманская Троица

На одном из петроглифов Швеции эта Прагерманская Троица выглядит следующим образом: некие два Бога – один, очевидно, однорукий, другой, по всей видимости, двурукий, крутят большое кельтское колесо. Поясняя это изображение, Готтфрид Шпанут («Древнегерманская религия и христианство») выстраивает целую таблицу касательно того, какими именами этих Богов следует называть и какие функции в ритуале им, вероятно, соответствуют¹¹.

С помощью этой таблицы Г. Шпанут (не путать с Юргеном Шпанутом, жившим несколько позже, хотя и писавшим на те же темы) объясняет предельно много. Даже «Солнечный Храм Стоунхенджа» оказывается у него пятью трилитами, каждый из которых есть пустой Божий Трон, место присутствия Трёх Богов,

¹⁰ *Lothar, Helmut. Neugermanische Religion und Christentum. Gütersloh, 1934, S. 22. Höfler, Otto. Das Germanische Kontinuitätsproblem. Hamburg, 1937; Равенскрофт, Тревор. Копьё Судьбы. – СПб.: Амфора, 2006.*

¹¹ *Spanuth, Gottfried. Die altgermanische Religion und das Christentum. Mit 14 Abb., Göttingen, 1934, S. 23 ff.*

правивших пятью планетами в пространстве и пятью днями недели – во времени.

Священный Фюрфос в южноосетинском исполнении

Эта языческая Троица, знаменующая Солнце Непобедимое в трёх Его аспектах («Солнце Побеждающее», «Солнце Умирающее» и «Божество Земли») была отнесена автором к эпохе неолита (около 2000 лет до Р.Х.) и разобрана в соответствии с данными историков. В одном случае (данные археолога Густава Коссины), это были «Бог Молота», «Бог Копья» и «Бог Однорукий», то есть, Донар, Вотан и Тиу. В другом (информация Цезаря) – Сол, Вукан и Луна (Нертус или Тиу). В третьем (сообщение Тацита) – Геркулес, Меркурий и Марс, соответствующие Фрейру, Вотану и Тиу в их римской интерпретации. «Кроме того, эти боги до конца язычества имели в Швеции, в Упсале, общий храм; его посетили германские путешественники, и его, так же как и некоторые из происходивших там церемоний, по их впечатлениям, описал Адам Бременский»¹². По версии Дюмезиля, эти три верховных германских Бога олицетворяют собой три индоевропейские сословия, а именно, жречество, воинство и крестьянство. Имеющиеся у нас сообщения историков, например, что от каждого из Богов происходило своё германское племя (ингевоны – от Донара, истевоны – от Вотана и ирмионы – от Тиу), вряд ли способны подтвердить гипотезу Дюмезиля. Речь шла, по видимости, о чём-то другом...

¹² Дюмезиль, Жорж. Верховные Боги индоевропейцев. – М.: Наука, 1986, с. 138.

Прарелигия «Вихинай»

Если вернуться к метафоре сновидения, то религия древних германцев – это своего рода сон на тему ушедшего ритуала. Нам уже не понятно, с какой целью Однорукий с Двуруким вращали своё Колесо. Миф о руке, откушенной у Однорукого Волком Фенриром – это всего-навсего метафора. В какую сторону Колесо вращалось – это нам тоже не совсем понятно. Древний прагерманский ритуал куда-то ушёл, каменные гробницы были оставлены, а Боги наскальных рисунков крепко заснули, чтобы проснуться в виде Богов германских.

Это совсем не смерть, так как смерть у Богов отсутствует. То, что ошибочно принимают за «Гибель Богов» – это лишь сумерки, сон, в который время от времени впадают целые пантеоны. Этот процесс далеко не трагичен, так как не является необратимым, и не морален, так как вполне естествен. Он – далеко не «последствие греха»¹³, наоборот, с нордической точки зрения «грехом» было бы отступление от Судьбы и желание Богов избежать неизбежного¹⁴.

Если развивать далее идею «Божественных засыпаний» (по образцу «Дня и Ночи Брахмы» и легенды о спящем Императоре), то можно прийти к выводу, что нордическая религиозность, при всём своём внутреннем единстве, засыпала к новому пробуждению как минимум несколько раз. Этот момент подробно описан у австрийского мистика и религиоведа Гвидо фон Листа (1848-1919) в его исследовании «Религия ариогерманцев в её эзотерике и экзотерике».

¹³ Момент, хорошо обоснованный Андреасом Хойслером: *Heusler, Andreas. Die Herrenethik in der isländischen Saga, und Altgermanische Sittenlehre. // Germanentum. Berlin, 1921.*

¹⁴ *Гюнтер, Ганс. Религиозность нордического типа. (5-е изд., 1943). // Гюнтер, Ганс. Избранные работы по расологии. – М.: Белые альвы, 2002, с. 272; Гюнтер, Ганс Ф.К. Индоевропейская религиозность. – Тамбов: Полюс, 2006, с. 38.*

Гвидо фон Лист

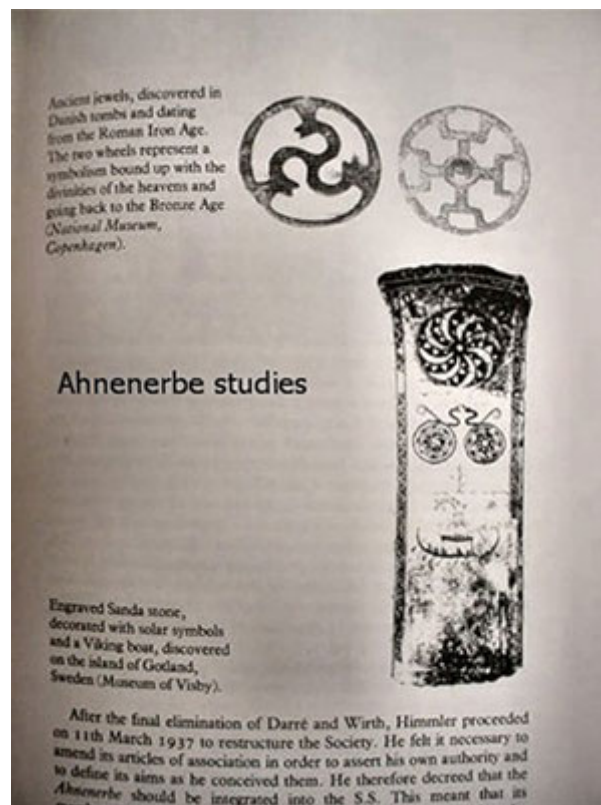
Там изложена необычайно интересная концепция, проясняющая все повстречавшиеся нам затруднительные моменты: наличие у германцев идеи Спасителя и Троичности Бога, наличие в Стоунхендже пяти трилитов и их связь с календарными ритуалами и Праязыком. Кроме того, у Листа мы также находим детально продуманную теорию трёх сословий, задолго до Дюмезиля отвечающую на многие поставленные им вопросы.

В общих чертах теория Листа выглядит следующим образом. Изначально существовала древняя Wihinei («Вихинай»). Так называлась общая для всех индоевропейцев единая Прарелигия, бывшая непосредственным Откровением Единого Бога-Андрогина, Общего Истока всего сущего. Если говорить об эпохе листовской Прарелигии языком последующего религиоведения, то можно сказать, что это была эпоха изначального монотеизма, память о которой можно обнаружить в самых разных мировых и этнических религиях. Достаточно вспомнить одного только священника Вильгельма Шмидта (1868-1954), жившего в той же Вене, что и Лист и написавшего на тему изначального монотеизма целых 12 толстых томов («Происхождение идеи Бога»)¹⁵. Это была по-

¹⁵ *Wanderfels*, Hans. Wilhelm Schmidt (1868-1954). // *Klassiker der Religionswissenschaft von Friedrich Schleiermacher bis Mircea Eliade*. Hg. von Axel Michaels. München, 1997.

своему отчаянная попытка реконструкции первобытной веры в Единое Верховное Существо, исходя из одних лишь этнологических описаний сохранившихся древних культов. Верования австралийских, североамериканских и прочих аборигенов представляли у Шмидта в виде своего рода «дохристианского христианства», подтверждающего истинность матери католической Церкви, верным сыном которой о. Шмидт и являлся.

У Листа всё обстояло совсем по-другому. Никаких религий кроме древнейшей ариогерманской «Вихинай» он вообще не признавал, проводя различие между Вихинай как Религией и так называемыми «религиозными системами» (Religions-Systeme), которые создаются современниками – для современников и соплеменниками – для соплеменников (von Zeitgenossen für Zeitgenossen, von Artgenossen für Artgenossen), и соответствуют лишь потребностям времени и племени, так никогда и не достигая возвышенной цели – стать Религией для всего мира – такой религией, какой в своё время была древняя «Вихинай»¹⁶.

Исследования древнегерманской Прарелигии

Schmidt, Wilhelm. Der Ursprung der Gottesidee. 12 Bde, 1912-55; Элиаде Мирча. Ностальгия по истокам. – М.: ИОИ, 2006, с. 45-53.

¹⁶ *List Guido von. Der Übergang vom Wuotanismus zum Christentum. Leipzig und Zürich. 1911, S. 12-13.*

Древнегерманский корень *wih*, от которого происходит понятие «*Wihinei*», ясен не до конца. В обстоятельной книге «Священное у германцев», написанной одним из крупнейших германистов XX века Вальтером Бэтке, этот корень толкуется как «кольцо». Что за кольцо? – на этот вопрос Бэтке в растерянности приводит множество авторитетных версий, демонстрирующих наличие серьёзной проблемы, но в корне ничего не объясняющих. Кольцо *wih* – это либо «священный предмет», о культовой роли которого остаётся только гадать, либо «храмовое сокровище готов» (а заодно, быть может, и Нибелунгов?), либо «отличительный знак царей и жрецов», либо (совсем несерьёзно, но любопытно) «дверное кольцо храма». Кстати, во многих храмах Скандинавии действительно имелись дверные кольца, смотреть же об этом можно в «Хаймскрингле» (I: 370). Намного интереснее гипотеза с клятвой, при принесении которой выдавалось особое «инициатическое кольцо»¹⁷.

Закон трёх стадий

По версии Листа, «Вихинай» с незапамятных времён передавалась в кругу посвящённых, и различные версии нордических мифологий, содержащие предания о множестве Богов – это лишь гулкий отзвук некогда единой Религии, бывшей строго монотеистической и претерпевшей на пути «вотанической деградации» три основных изменения. Эти три изменения стали основой трёх религиозных эпох, каждой из которых соответствовала своя культовая система.

Первый Этап: Андрогинный Первобог (Фидус)

¹⁷ *Bätke, Walter. Das Heilige im Germanischem. Tübingen, 1942, S. 89. Ганина Н.А. Готская языческая лексика. – М.: МГУ, 2001, с. 64-80.*

Первая эпоха, с которой начинается деградация Вихиной – это эпоха трансформации предвечного Бога-Андрогина (Суртура или Великого Духа) в муже-женского гермафродита и Автогена, то есть, Бога, породившего самого себя. Отголоски этого превращения имеются во множестве древних культов, и мы не будем на этом вопросе останавливаться.

Затем наступает вторая стадия. Это – эпоха Солнечной Девы, девственной Рожаницы, Женского Божества, непорочно рождающего Бога-Сына. Речь шла у Листа о времени весьма отдалённом, память о котором сохранили одни лишь резные фигурки граветтийской культуры (так называемые «неолитические Венеры»), а также отдельные мотивы эддических песен¹⁸ или славянской народной вышивки¹⁹.

Второй Этап: Рожаница (славянская народная вышивка)

Третья стадия: эпоха вотанического политеизма, начало которого было положено в превращении различных аспектов Единого во множество отдельных Богов и Богинь. Так образовывался пантеон вотанизма – нордической религии эпохи патриархата. Любопытно, что понятию «вотанизм» Лист постоянно про-

¹⁸ *Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев.* – М.: Индрик, 2005.

¹⁹ *Жарникова С.В. Архаические корни традиционной культуры Русского Севера.* – Вологда: МДК, 2003, с. 21-48.

тивопоставляет другое понятие – «арманизм». Если вотанизм – это, собственно, «нордическая мифология», то есть, остатки религии и обычаев простых северогерманских крестьян, то арманизм – это религия духовной элиты, которая даже в самое тёмное время забвения древней Вихиной²⁰ оставалась верна Единой Религии. С эпохой раскола и расслоения Вихиной, арманизм сохранил её эзотерику, вотанизм же явился экзотерической стороной той же самой древнейшей Религии. Это были как бы две руки единой Прарелигии, «высшая» и «низшая» мифология, говоря языком Вильгельма Шварца²¹.

Третий Этап: Вотан (картина Константина Васильева)

²⁰ У Листа встречается различие между двумя разными «Вихиной», а именно, «Древней Вихиной», в качестве Прарелигии, и просто «Вихиной» – в смысле обычного колдовства. Первая существовала задолго до религии Вотана, вторая же появилась из вотанизма как его магическое продолжение. Первая, предвотаническая Вихиной, есть Религия до и по ту сторону эзотерики и экзотерики, вторая же – это выродившийся «финский» шаманизм, чисто экзотерическая колдовская система, набор действенных практик и заклинаний. (*List Guido von. Das Geheimnis der Runen. 5. Aufl., Wien, 1938, S. 53*). Понятие «Викка», восходящее к тому же самому корню, соотносится именно с последним значением «Вихиной».

²¹ *Schwartz, Wilhelm. Der heutige Volksglaube und das alte Heidentum. Berlin, 1849, Schwartz, Wilhelm. Indogermanischer Volksglaube. Berlin, 1885.*

На третьем этапе деградации Вихиной произошла очередная фундаментальная подмена, состоявшая в том, что «арманические обозначения качеств превратились в вотанизме в собственные имена Богов»²². Так появился политеизм. Затем, в довершение всех бед и в угоду грубейшей чувственности, эти Боги стали изображаться по образу и подобию человеческому – так, как они никогда не изображались. В этом и состояла главная особенность периода вотанизма – предельная очеловеченность (атропоморфность) божественных образов – то, чего не было в эпоху Предвечного Андрогина и что постепенно началось лишь на второй стадии, в эпоху Солнечной Девы²³.

Переход от вотанизма

Единственными хранителями Истины в эпоху торжества вотанизма оставались нордические арманы (средневековые герольды, рыцари Храма и люди из союза «Фемы»), на протяжении многих столетий оказывавших противодействие вторжениям иррелигиозности, а также низменно-шаманского и романского духа, бывшего для германцев тлетворным и разлагающим. Никаким «вотанистом» Лист, разумеется, не был, так что все упреки по этому поводу, исходившие от Германа Вирта²⁴, Ганса Гюнтера²⁵ и других авторов, можно считать безосновательными. Наоборот, Листа объединяет с Виртом искреннее желание восстановить облик изначального монотеизма (почитание Бога как Всеотца), с Гюнтером – систематизация общеиндогерманских универсалий, проявивших себя в истории и религии.

Главная мысль арманизма, без усвоения которой всё дальнейшее будет бессмысленно – это идея Троичности как всеобщего Закона, лежащего в основе всего мироздания. Эта Троичность есть всеильный принцип *Рождения – Бытия – Умирания ради Возрождения*, символически представленный в мифообразе германской Троицы (Один – Вили – Ве; Урд – Верданди – Скульд; Вотан – Тиу – Донар, и т.д.) и являющийся ключом к «виртовской» идее Троичности Спасителя.

Кроме того, этот закон «Entstehen-Sein-Vergehen zum Neuerstehen» был, по Листу, также основой германского общества, разделённого на три сословия,

²² List Guido von. Die Religion der Ario-Germanen in ihrer Esoterik und Exoterik. Leipzig und Zürich. 1910, S. 15.

²³ Про эти три стадии деградации древней Вихиной Лист говорит, как кажется, только в одной своей книге: List Guido von. Die Religion der Ario-Germanen in ihrer Esoterik und Exoterik. Leipzig und Zürich. 1910, S. 7-10.

²⁴ Вирт Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы. / Пер. с нем. Кондратьев А.В. – М.: Вече, 2007, с. 326, 367, 389, 515.

²⁵ Гюнтер, Ганс Ф.К. Избранные работы по расологии. Изд. 2-е. – М.: Белые альвы, 2005, с. 96.

ошибочно принимаемые за три племени²⁶. Это были мудрецы (Lehrstand), сословие тех, кто учит, хранит ритуалы (Рита) – духовный цвет народа – его ирмионы или арманы (семаны). Затем, сословие воинов (Wehrstand), тех, кто защищает – иствоны. И также сословие крестьян-фермеров (Nährstand) – ингевоны. Первые представляли на Земле идею Рождения, вторые – идею Бытия-Пребывания, третьи – идею Распада и Умирания. Все три сословия отражали различные «лики» Бога – того самого Троединого Спасителя, веру в Которого постарался обосновать на материале петроглифов Герман Вирт.

В конце 19 века один необычайно талантливый филолог по имени Софус Бугге (1833-1907) на материале Эддических текстов старался доказывать, что вся вера германцев и «нордическая мифология» есть явление необычайно позднее, постхристианское, и во многом обязанное своим происхождением с одной стороны – греко-римской античности, а с другой – теологии христианства и иудаизма. От греков, из «Сивиллиных оракулов», появились «Прорицания Вэльвы», от иудеев периода Второго Храма – апокалиптический настрой и образы Рагнарёка, от христиан – вера в умирающего и воскресающего Бальдра, в распятого на Мировом Древе Одина и т. д.²⁷ Эта идея Бугге была воспринята в науке и доведена до абсурда сначала немецким исследователем Элардом Гуго Майером (1837-1908), а затем – финским специалистом по фольклору Каарле Кроном (1863-1933). Разумеется, у приверженцев германского мифа эта попытка его «разобрать» и «деконструировать» вызвала лишь отторжение.

Чтобы «бороться с врагом его же оружием», северные почитатели Одина брали найденные филологами совпадения и старались обосновать то же самое заимствование, только в другую сторону. Так, например, поступили Ф.Р. Шрёдер – в «Германстве и эллинизме»²⁸ и Фридрих Дёллингер (он же – Герман Виланд) – в книге «Бальдр и Библия»²⁹. Эти авторы просто показали, что не Бальдр пришёл с Востока, а как раз наоборот, именно германское почитание Бальдра – единственного идеального персонажа на всю нордическую мифологию – стало истоком различных ориентальных и эллинистических представлений об умирающем и воскресающем Боге.

²⁶ List Guido von. Die Armanenschaft der Ario-Germanen. Leipzig, o. J., S. 4.

²⁷ Изложение его концепции содержится в работе: *Vries, Jan de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, Leipzig, 1935, S. 73 ff.*

²⁸ *Schröder F. R. Germanentum und Hellenismus. Heidelberg, 1924.*

²⁹ *Döllinger, Friedrich. Baldur und Bibel. Weltbewegende neue Enthüllungen über die Bibel. Germanische Kultur im Biblischen Kanaan und Germanischem Christentum vor Christus, kürzere Volksausgabe, Nürnberg, 1920.*

У других авторов, как, например, у норвежского неоязычника Варга Викернеса, та же самая идея заимствования (как в ту, так и в другую сторону) отвергается в принципе: «Много раз я обнаруживал теорию о том, что история о том, как Один повесился на Иггдрасиле – только копия мифа о том, как Иисус был распят (или посажен на кол, как говорили позже). Это не так. Один повесился сам – Иисус был повешен; Один пронзил себя копьем – Иисуса пронзил римский солдат; Один висел на верёвке – Иисус был крепко прикован; и наконец, Один висел на дереве один, в то время как Иисус висел со многими другими. И результат повешения различен: Один вошёл в состояние между жизнью и смертью, в то время как Иисус умер для того, чтобы позже восстать из мертвых и опять умереть (если он вообще умер на кресте). Один же жил дальше. Он научился рунам с их другой стороны, со стороны смерти. <...>. в то время как Один висел девять дней и девять ночей, Иисус висел только один день (и ночь?)»³⁰ и т.д.

Позиция Листа и других авторов арманического круга (Рудольфа Йона Горслебена, Филипа Штауффа, Вернера фон Бюлова и т.д.) была намного оригинальнее. С одной стороны, все они так или иначе, вышли из недр католической традиции пытались по отношению к христианству сильнейшую симпатию. В нём они видели продолжение арманизма – в этом отношении особенно интересна идея фон Листа, что христианство как «религиозная система» (Religions-System) имеет в своей основе «запакованную» Вихинай – это эзотерическое ядро различимо наиболее чётко в писаниях тевтонских мистиков (Бёме, Экхарт, Таулер), а также в символике христианских храмов, несущей в себе колоссальный и совершенно неисследованный арманический потенциал.

Помимо основополагающей для Вихинай идеи Троичности, в христианстве присутствуют также все три выше описанные стадии перехода от Вихинай к религии Вотана: учение о Безначальном Отце («Протобог Андрогин» вотаизма, ставший позднее Альфатером), учение о Единородном Сыне и Непорочной Деве, «неискусомужно» Его родившей, а также трансформированные варианты различных Божеств, надёжно укрывшихся под именами святых и небесных «чинов».

³⁰ *Викернес, Варг. Речи Варга (Vargsmal).* – Б.м., 2002, с. 175-176.

Фидус. Альфатер

Ритуальные маски Вотана

В то время как церковные проповедники создавали свою официальную версию германской древности (почитание бесов под именем Богов, повальная одержимость нечистой силой и т.д.³¹), в так называемом «народном христианстве» вся латинская казуистика значила крайне мало. Вместо этого продолжали совершаться ежегодные ритуалы («Рита арио-германцев» – по выражению Листа), говорящие нам о том, что древние Боги всего лишь «заснули», замаскировавшись под святых христианской церкви.

Наиболее характерный пример подобного псевдоморфоза – это культ святого Николая Миликийского, день памяти которого в точности совпадал с днём празднования Великого Юла – зимнего солнцестояния. В дохристианскую эпоху это был день Одина, почитавшегося, в том числе, в качестве духа при-

³¹ *Achterberg, Herbert. Interpretatio christiana. Verkleidete Glaubensgestalten der Germanen auf deutschem Boden. Leipzig, 1930.*

ликов. Отсюда происходит одно из наименований (кеннингов) Одина, звучащее как «Никарр» или «Хникарр» и упоминаемое в третьей главе *Gylfaginning* из Младшей Эдды³². Как показал верховный жрец «Общины германской веры» Геза фон Неменьи³³, из индоевропейского корня "neigu", связанного с «омовением», происходит не только эпитет Вотана, но также и различные имена водяных (старонемецкое «*nicchus*», шведское «*näck*» или немецкое «*Nöck*»). Имя святителя Николая было наложено на уже имевшийся комплекс языческих представлений, и потому в его житии мы читаем о всевозможных чудесах, связанных именно с водной стихией – миром Вотана-Водина³⁴. «Водный Бог» позднее деградировал до обычного Водяного – но в Истоке Он, конечно же, был фигурой куда более значимой, как и воды, которые позднее стали «верхними» и «нижними», но до этого пребывали в полнейшем единстве. Что это за вода, которой покровительствовал Вотан? – Это вопрос не столько мифологический, сколько духовный, выводящий на главные вопросы Мироздания, скрытого под мифом как под пёстрой эвфемистической оболочкой. Замечательный фелькиш-писатель и эзотерик Иоахим Курд Нидлих высказал вполне резонное предположение, что «Вотан» происходит от слова «*waten*» или даже «*durchwaten*», то есть, «*durchdringen*» – пронизывать, проникать³⁵. В этом, быть может, и содержится некая разгадка: Бога воды можно понять как источник той самой Субстанции, которая, являясь всеобщей космической подосновой, была названа у евреев «Верхними Водами». Это же и парацельсовский «Илиастр», и спинозовская «Субстанция», и, конечно же, «Дух Меркурий», тождество которого именно Вотану так любил отмечать Карл Густав Юнг. Получается, что древнейшая пантеистическая идея, выходящая из глубинного истока народной души, просквозила во множестве культурных преломлений, оставаясь при этом верной самой себе и лишь приобретая дополнительные наименования.

В своей замечательной книге «Германские Боги и герои в христианскую эпоху» Эрих Юнг приводит страницу из средневековой книги с изображением таблицы предков англосаксонских королей. И хотя эти короли, – позволяет

³² На это же совпадение указывал Якоб Гримм (Bd. I, S. 457) и доктор Вонбун (*Vonbun*, F.J. Beiträge zur deutschen Mythologie. Chur, 1862, S. 18).

³³ *Neményi, Géza* von. Nikolaus – ein heidnischer Gott. // www.domhain.de/ggg/artikel/index.php.

³⁴ В народном православии, где Никола нередко выступал в качестве четвёртой Ипостаси Св. Троицы, он являлся заменой Велеса, связанного с земными водами. См. подробнее: *Успенский* Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). – М.: МГУ, 1982, с. 7, 80-84.

³⁵ *Niedlich, Joachim* Kurd. Die germanische Mythen- und Märchenwelt als Quelle deutscher Weltanschauung. Leipzig, 1921, S. 36-37.

себе иронию Юнг, – были примерными христианами, они, тем не менее, повелели изобразить себя в виде прямых потомков Бога Вотана³⁶.

Сопоставляя различные памятники средневековой архитектуры, Юнг приходит к выводу, что христианского в этой архитектуре вообще крайне мало – повсюду мы видим того же Вотана, и даже «молитва мекленбургских крестьян, записанная около 1870 г., начиналась со слова «Wode»»³⁷ и т.д.

Рёмлинги и тевтоны

Вышедшая первым изданием в Веймарской республике, книга Юнга была в ту эпоху совершенно неуместна. Многие из приводившихся им памятников архитектуры по старинке описывались историками как «христианские» или «римские», их тевтонско-языческую подоплёку, вопреки самой очевидности, старались просто не замечать. Наука делала вид, что язычества в Средние века уже не существовало, и, чтобы выдерживать заданную коррекцию, стыдливо закрывала глаза и притворялась, что ничего такого «быть не может, потому как не может быть никогда». В этом отношении среди германистов рубежа веков особенно показательна фигура марбургского профессора Карла Хельма. По его мнению, никакой германской религии вообще не существовало, а были лишь разные «религиозные формы», каждый раз разные и свои особые – у восточных, западных и северных германцев. Эта попытка быть «историчным» заводила исследователей в тупик, заставляла придумывать натужные конструкции, отвергая существование очевидного. Так, например, Вотана-Альфатора для Хельма почти не существовало. Он считал Вотана «молодым Богом, появившимся в Рейнской области». Если бы не пантеон скандинавов, оказавшийся к Вотану более чем гостеприимным, про него было бы мало известно. Так говорил Хельм³⁸.

Хельму вторили многочисленные этнологи, научившиеся у английского позитивиста Тайлора модным в Англии идеям «эволюции форм сознания», в том числе и религиозных. Проходя различные стадии, – учил Тайлор, – религия начинается с анимизма (то есть, идеи всеобщей одушевлённости) и приходит к «развитому монотеизму», то есть, к вере в единого Бога. Опосредующих звеньев здесь было много, но они нас сейчас не интересуют. Важно то, что для Тайлора и его эпигонов в Германии изначальным казалось почитание демонов,

³⁶ Jung, Erich. Germanische Götter und Helden in christlicher Zeit. Urkunden und Betrachtungen zur deutschen Glaubensgeschichte, Rechtsgeschichte, Kunstgeschichte und allgemeinen Geistesgeschichte. 2. Aufl., München-Berlin, 1939, S. 17.

³⁷ Jung, Erich. Germanische Götter und Helden in christlicher Zeit, S. 28.

³⁸ Helm, Karl. Altgermanische Religionsgeschichte. Heidelberg, 1913.

а древние германцы представлялись такими же дикарями, как народы Австралии и Океании³⁹. В силу этой причины очень многие языческие памятники либо и вовсе приписывались христианам (могут ли дикари сделать что-то подобное?), либо, если языческое происхождение было чересчур очевидным, эти находки приписывали римлянам, которые казались народом более рассудительным и благопристойным.

Это заблуждение было тогда повсеместным. Его допустил даже такой большой почитатель античности, как профессор классической филологии из Гейдельберга Фридрих Кройцер, автор монументального четырёхтомника «Символика и мифология древних народов, в особенности греков»⁴⁰. Почему греков? А именно потому, что они суть законодатели всей европейской культуры, основа порядка и прогресса... Именно поэтому, когда на Верхнем Рейне в самом начале 1830-х стали копать курганы и извлекать из них типично германские копья, фибулы и горшки, удивительные по своей красоте и древности священные вещи, Кройцер провозгласил, что к германцам они никакого отношения не имеют...

К счастью, тут же нашёлся один баденский пастор по имени Карл Вильгельми, знавший толк в археологии и затеявший с Кройцером жаркий спор на тему атрибуции новых находок. Так сформировались две партии, уничижительно именовавшие друга «рёмлингами» и «тевтономанами». Первые были сторонниками «классической древности», вторые – так называемой «неклассической» ... Кто был из них более прав – сказать сложно, тем более что вклад филологов-классиков в нарождающуюся науку о германцах и нордической мифологии был поистине колоссальным. Достаточно вспомнить первый зарифмованный перевод Эдды Эттмюллера (1837), трёхтомную «Немецкую мифологию» Якоба Гримма⁴¹ или «Историю нордического язычества» (1822) гейдельбергского религиоведа Франца Йозефа Моне⁴² – книгу, содержащую не только подробное изложение текстов Эдды, но также и вполне оригинальную авторскую теорию⁴³.

³⁹ Герман Вилле приводит показательную характеристику германца из «Древнейшей истории немцев» (1806) Й.Х. Аделунга: «Германец – это хищное животное, которое спит, когда не охотится и не жрёт» (*Wille, Hermann. Germanische Götterhäuser. Leipzig, 1933, S. 17*).

⁴⁰ *Creuzer, Friedrich. Symbolik und Mythologie der alten Völker. Leipzig, 1810.*

⁴¹ На русский язык до сих пор переведён только жалкий обрывок из предисловия: *Гримм, Якоб. Немецкая мифология. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. – М.: МГУ, 1987, с. 54-71.*

⁴² *Mone, Franz Joseph. Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa. Leipzig und Darmstadt, 1822.*

⁴³ В своих воспоминаниях Рихард Вагнер рассказывает о начальном периоде своего знакомства с нордической мифологией: «Особенно увлекли меня необыкновенно бо-

Планетарное учение о Богах

Согласно Моне, всё германское мировоззрение – это «планетарное учение о Богах». Каждое из Божеств отображает определённую функцию планетного мира, находящую строгое соответствие в «микрокосме» человеческой жизни: Фрейя – в виде Рождения, Ньорд – в виде Кормления, Тор – в виде Силы, Фрейр – в виде Любви и т.д. Владыка Асгарда Один оказывался у Моне покровителем Зарождения, или, «что в тевтонской вере всегда значит одно и то же» – Смерти, тогда как Бальдр – образом воскресшей Души... На этой системе отождествлений (не слишком произвольных, но не в меру и обоснованных) строил Моне всё своё толкование песен Эдды⁴⁴.

Мандала мира – Солнечные часы древних индоевропейцев

Кройцер, Моне и другие филологи-классики немецкого романтизма составляли так называемую «символическую школу» – каждый миф был для них символом какого-либо понятия, а нордический пантеон предстал своего рода декорацией воображаемого спектакля. Но уже в середине 19 века появляется другая

гатые «Исследования» Моне, хотя строгие специалисты с некоторой подозрительностью относятся к смелым выводам их автора». (*Вагнер, Рихард. Моя жизнь: В 2 т. Том II.* – М.: АСТ-Астрель, 2003, с. 10).

⁴⁴ Пересказ его взглядов приводится по: Bätke, Walter. Die Götterlieder der Edda und ihre Deutungen. // Bätke, Walter. Kleine Schriften. Geschichte, Recht und Religion in germanischem Schrifttum. Weimar, 1973, S. 195-205.

школа, именуемая себя «природно-мифологической» и сводящая всю мифическую реальность к отголоскам реальных космических событий. В одном случае (Макс Мюллер) это были события жизни Солнца, и центральная роль отводилась солярным мифам, в другом случае («Лунный Бог» Эриха Церена) – мифам о Луне и её четырёх фазах, в третьем, но далеко не последнем случае (Вильгельм Шварц и Адальберт Кун) главными оказывались переживания непогоды... Sonnenreligion, Mondreligion, Gewitter... Всё это были разные версии одной и той же «Naturmythologie», выводившей истоки любой религиозной традиции к суеверным страхам и астрономическим наблюдениям...

Происхождение Огня и «высшая мифология»

Теория «непогоды» здесь наиболее показательна. Появилась она так. Вместе со своим шурином Адальбертом Куном Вильгельм Шварц (1812-81) в 1840-е путешествовал по Северу Германии, собирая и обрабатывая народные сказания и легенды. Сначала их сильно удивляло лишь то, что повсюду они наталкивались на примерно одни и те же рассказы о кобольдах, мудрых девах, блуждающих огоньках, о диком охотнике, гигантах, гномах и т.д. Но потом два фольклориста стали «вытаскивать» из материала общую структуру, и, в результате, перед ними предстала довольно тесная группа мифических элементов, среди которых чётко выделялось то, что Шварц назвал «низшей мифологией» и то, что он же определил как «мифологию высшую» ...

Вильгельм Шварц

В отличие от авторов символического направления, Шварц был чистым этнографом, и какие-либо этимологические толкования в его книгах отсутствовали. Но зато Кун в этом плане нашёл немало совершенно чётких параллелей (Саранью – Эринии, Гандхарвы – Кентавры, Минос – Маннус – Ману и т. д.), позволяющих говорить о единстве индоевропейской традиции, о едином мифопоэтическом сознании и единой языческой вере самых разных арийских народов. В «Происхождении Огня и Божественного Напитка (докладе по сравнительной мифологии индогерманцев)» Кун рассмотрел миф об Амрите как напитке бессмертия и различные легенды о Небесном Огне, обращаясь к сравнению обрядов, мифов и этимологий.

Эта техническая сторона являлась для Куна чем-то вроде инструмента по реконструкции Золотого Века – реального исторического периода, именуемого в науке «эпохой индогерманского единства». Тогда не было ни эллинов, ни германцев, ни славян, ни индийцев – но все во всём проявляли себя как арьи, были ариями в самом чистом смысле этого слова. Но затем это единство трагически распалось. «Проистекает ли это отпадение иранцев, славян и германцев от прочих племён <...> из рано случившегося религиозного раскола, и долго ли после этого раскола славяне и германцы пребывали в единстве с иранцами и всеми остальными – это не составляет предмета нашего исследования. Нам достаточно лишь доказать, что все индогерманцы, подробным изложением мифов которых мы располагаем, имели для обозначения Божества одно общее понятие»⁴⁵. По реконструкции Куна, это понятие (индийское Дэва, эллинское Теос, германское Тюр, латинское Дэус и т.д.) использовалось преимущественно во множественном числе. Отсюда следует, что оно обозначало не Единое Божество, а многих Богов, или, как выражается Кун, «Божественных Существ».

⁴⁵ *Kuhn, Adalbert. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen. Berlin, 1859, S. 3-4.*

Адальберт Кун

В этом наметилось принципиальное расхождение с традицией «символистов», бывших в подавляющем своём большинстве (Шеллинг, Кройцер и др.) убеждёнными сторонниками идеи изначального монотеизма. Кун порывал с этой школой, так как шёл от записанного им в поездках эмпирического (фольклорного) материала, и стремился найти в нём логическую структуру, выделив в ней часть повторяющиеся сюжетные блоки.

Затем оставалось лишь «перевести» эти блоки древнейших сказаний на язык природы – окружавшей крестьян Северной Германии и, бесспорно, нашедшей какое-то отражение в мифах. Исходная предпосылка Шварца состояла в том, что природа и её сезонные перемены есть единственный важный источник любого мифа; каждый миф – это, как бы отпечаток погодных условий, а все описанные в мифах «небесные» события суть «рефлекс природы и земных отношений», подвергнутых от недостатка научных знаний скоропалительной мифологизации...

Фидус. «Молящийся Солнцу» (1913 год)

Прозвучавшее слово «рефлекс» (в смысле «отражение», «слепок») здесь особенно характерно. Миф не был важен для Шварца сам по себе – он представлял интерес лишь как попытка осмыслить природу – точно также, как для сторонников «теории рефлексов» в психологии не было разницы между «душой» и «совокупностью реакций на внешний мир» ... В «Происхождении мифологии, изложенном на примере греческих и немецких сказаний» Фридрих Шварц прочитывал древние сказания о гигантах и карликах, о Богах, героях и чудесных событиях с целью найти в них ответы на «реальные события», каковыми оказывались как всегда изменения погоды. Эта метеорологическая гипотеза в книгах Шварца просто торжествовала: плывущая в реке волшебная щука превращалась у Шварца в молнию, гиганты – в большие облака, карлики – в маленькие, хищный вервольф (волк Фенрир) их пожирает, но такие же облака – это пояс, в который облачается стая девиц-лебедей или небесная Афродита-Фрейя, но они же – коровы, пасущиеся стадом перед входом в пещеру Циклопа... И т.д. и т.п. Особенно показательна фраза, касательно того, что «на небе расцвела также и та омела, из-за которой Бальдр погиб в борьбе с непогодой»⁴⁶...

⁴⁶ Schwartz, F. L. W. Ursprung der Mythologie. Berlin, 1860, S. VIII.

Подобного рода планетарные обобщения, добросовестно воспроизведённые в «Поэтических воззрениях...» А.Н. Афанасьева, вызывали, тем не менее, серьёзные дискуссии. Во время своих путешествий по Германии Кун со Шварцем поняли очень важную вещь, а именно, что любая, пусть даже самая фрагментарная обрядовая подробность из жизни германцев, самый малозначительный, казалось бы, куплет из колыбельной песни или крохотный крестик на деревянной балке – всё это может значить намного больше, чем думают читатели журналов по филологии. Куну и Шварцу пришло в голову, что, путешествуя по Германии и общаясь с простым народом, они погрузились в мир, в общем-то не слишком удалённый от времён сложения Ригведы и Эдды – и это было огромное достижение. Но, как всегда, тут же нашлись ругательные критики, заявившие, что не только современная им народная традиция (куда там!) не отражает реалий индоевропейцев, но даже и сама Эдда их отражать не может, так как написана гораздо позднее, под влиянием христианства, Эллады и даже иудаизма⁴⁷...

«Традиция имеет тихую, но огромную власть»⁴⁸ – возражал в таких случаях Шварц.

Возвращение к Вихинай

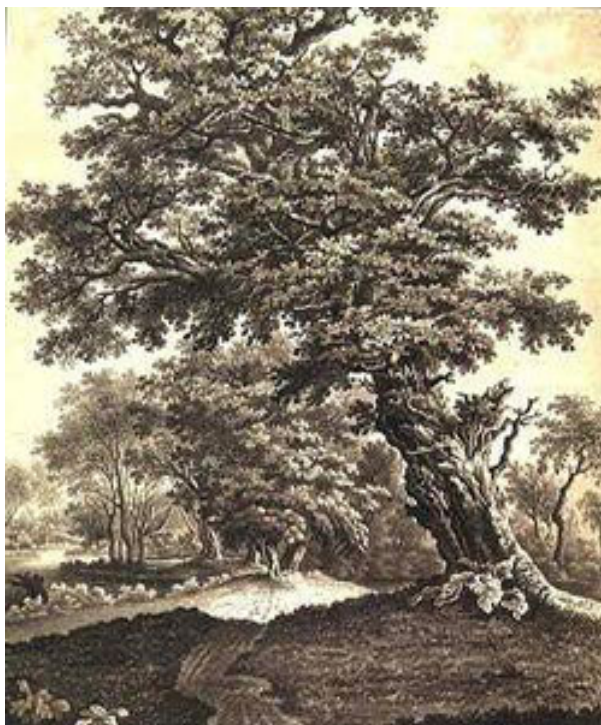
«Источником германской, равно как и всякой другой мифологии, является единственно и исключительно народная традиция, нисходящая к нам с высочайших вершин жизни человечества» – подтверждал подозрения Шварца его младший современник мифолог Вильгельм Маннхардт⁴⁹. Эту отправную точку, «высочайшую вершину» и исток всех последующих религиозных и мифологических систем, Маннхардт определяет как «индогерманскую праисторию». Это – эпоха единой индогерманской общности, эпоха единой **Индогерманской Прарелигии**. Если у Гвидо фон Листа, Германа Вирта, Фридриха Кройцера и других авторов эта Прарелигия была монотеизмом, а у этнологов вроде Куна и Шварца – непременно политеизмом, то у Маннхардта мы встречаем на эту тему скорее осмотрительное молчание, нежели связную и логичную концепцию. Он лишь обозначает, что в истории индогерманского (а заодно, разумеется, и славянского, и греко-римского и т.д.) народа был период абсолютного согласия и взаимопонимания, когда все исповедовали единую Прарелигию. И

⁴⁷ *Rühs, Friedrich. Versuch einer Geschichte der Religion, Staatsverfassung und Kultur der alten Scandinavien. Göttingen, Röwer, 1801.*

⁴⁸ *Schwartz, F. L. W. Ursprung der Mythologie, S. 25.*

⁴⁹ *Mannhardt, Wilhelm. Germanische Mythen, Forschungen. Berlin, 1858, S. V.*

хотя Маннхард и не называет её прямо «Вихиной», ничто не мешает нам сопоставить его схему религиозного процесса в язычестве со схемой Гвидо фон Листа и определить исходную фазу именно этим понятием.

Карл Вильгельм Кольбе. Древо прибежища

Затем по его схеме следует раскол, образование мифологии и пресловутого **«германского язычества»**. Это как раз то, что в системе фон Листа называется «вотанизмом» – явление спорное и неоднозначное. Даже с приходом и утверждением христианства эту языческую эпоху трудно считать завершённой. Арманизм с вотанизмом и христианством существуют бок-о-бок, но даже несмотря на это, Маннхардт таинственно утверждает, что вера у немцев осталась всё той же, что была три тысячи лет назад. Впрочем, похожие мысли мы встречали уже у Шварца («Народная вера и древнее язычество», Берлин, 1850) – правда, в другом, более эволюционистском контексте, без привлечения фактора «Вихиной».

Всё, конечно, уже не так. В народных обрядах и суевериях 19 века различные рудименты древнейшей веры доживали свой век на правах, как бы сказали геологи, «петрефактов», то есть окаменелостей органического происхождения. Чтобы они «заиграли» и ожили, сначала их надо было отчистить от налёта книжного знания (передаточным звеном в трансляции мифов нередко оказывались люди книжные), а затем – сопоставить с реальностью более раннего (германски-языческого или даже индогермански-прарелигиозного) периода. Тут в дело вступали ведические риши и нордические скальды – чистейшие выразители арманической традиции...

Быть может, для многих современных читателей при работе с огромной, по-немецки основательной монографией Маннхардта «Германские мифы», а также с подобными ей исследованиями Якоба Гримма, Хелен Гербер⁵⁰ и Бенджамина Торпа, изложенная выше теория Прарелигии окажется именно тем недостающим теоретическим звеном, которое вечно за обилием фактов и мельчайших подробностей куда-то выпадает. Бог весть. Для нас же в данной работе было особенно важно показать всё обилие религиоведческих построений на тему германского мифа, не забывая о мифичности любой научной гипотезы, каждая из которых вносит свой вклад в мифичность науки как таковой, и, в особенности, науки о мифах, так называемой «мифографии»⁵¹.

Заключение

В заключительных абзацах настоящего исследования нам бы хотелось обозначить три важнейшие методологические задачи, возникающие перед исследованием памятников древнегерманской религиозности по мере усвоения и введения в научный оборот различных теорий изначальной религии, в том числе теории прамонотеизма.

Во-первых, привлечение в компаративистский мифографический анализ не только древнегерманского, но также и древнерусского палеорелигиозного материала (результаты многих археологических раскопок, не говоря уже об исследованиях славянской протописьменности до сих пор не получили надлежащего освящения).

Во-вторых, выявление семантических расхождений о общеархетипических совпадений в этих двух мировоззренческих системах с последующей постановкой вопроса о возможности реконструкции древнеславянских ритуальных практик через древнегерманские и наоборот.

Выявление многочисленных фактов научной фальсификации, имевших место за время научного и любительского (протонаучного либо антинаучного) периода исследования данных проблем с последующим отказом от позитивистской исследовательской парадигмы, демонстрирующей всё чаще и чаще свою существенную ограниченность в вопросе интерпретации религиозного и палеорелигиозного культового материала.

⁵⁰ Гербер, Хелен. Мифы Северной Европы. – М.: Центрполиграф, 2006.

⁵¹ Vries, Jan de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, Leipzig, 1935, S. 37.

A.V. Kondrat'ev, The Nordic Religiousness and Scientific Myths

The article presents a comparative study of several German pagan and neo-pagan theories. The main subject of the author's attention is the idea of Protoreligion, so called "Wihinei" – the Gnosis of the Germanic theosophy. The author discusses the validity of the Pre-monotheistic theory in the German Science of Religion in the comparison with the positivist school of E.B. Tylor and the school of "Naturmythologie" (A. Kuhn, W. Schwartz). The author considers also various interpretations of the German earliest Symbolism in the works of Herman Wirth, Guido von List, Wilhelm Mannhardt etc.

Кондратьев А.В. Нордическая религиозность и научные мифы

В статье представлен сравнительный анализ различных германских языческих и неоязыческих теорий. Главным предметом рассмотрения является здесь теория Прарелигии, так называемой «Вихинай» – гностической идеи германской теософии. Автор обсуждает валидность имеющейся в германском религиоведении теории прамонотеизма – в сопоставлении с позитивистской школой Э.Б. Тайлора и со школой «Naturmythologie» (Адальберт Кун, Вильгельм Шварц и др.). Автор рассматривает также различные интерпретации древнейшей культовой символики германцев в работах Германа Вирта, Гвидо фон Листа, Вильгельма Маннхардта и др.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).